

Глава 35. Проблема в том, что все-таки она тупица...

Пожилая госпожа Вань ожидаемо не ошиблась. В ту ночь Вань Цици с Шаошан действительно легли спать вместе.

Переодевшись в тонкую шелковую пижаму розового цвета, Вань Цици думала еще надеть на шею нитку жемчуга, Шаошан же, у которой лопнуло всякое терпение, остановила ее, сказав:

–Дядя только что просил тебя надевать поменьше драгоценностей, не так ли?

Вань Цици ответила обиженно:

–Я сначала вообще хотела надеть золотой браслет и нефритовый кулон с фениксом!

Шаошан вздохнула и улеглась в постель.

Была глубокая ночь, и вокруг не было никого, в самый раз для того, чтобы хорошенько прощупать почву, поэтому Шаошан поинтересовалась, что случилось с глазами и ухом пожилой госпожи Вань. Вань Цици с хитринкой сказала:

–Это никакая не тайна, разве ты не знаешь?

Вплотьмах Шаошан, показывая отличные навыки актерской игры, с великой обидой в голосе произнесла:

–Во-первых, в доме не разрешаются сплетни, а во-вторых... не было никого, кто бы сказал мне...

Вань Цици внезапно поняла, что семья Чэн бесспорно честна, и она немедленно со всеми деталями начала рассказывать:

–В то время, когда мой батюшка еще не достиг десятилетнего возраста, мой дедушка так стремительно и рано ушел из жизни, что не успел передать его на попечение заслуживающим доверие людям. А потому родичи из боковой ветви пришли к воротам поместья, говоря, что моя бабушка происходила из бедной семьи, и потому по своему социальному положению не соответствовала семье, велев ей немедленно передать им на воспитание моего батюшку, а ей, само собой, хорошо бы снова выйти замуж и убраться восвояси. Она, говорили они, сможет забрать с собой все, что дарил ей дед, и это будет считаться ее приданым. Но моя бабушка не согласилась, они тогда сказали ей, что моя бабушка конечно же не сможет удержать свое место, и не исключена возможность, что в будущем все дедушкино состояние попадет в руки другого мужчины...

Шаошан съязвила:

–Ага, зато люди из боковой ветви не передадут состояние постороннему мужчине, поскольку они приберут его к рукам самостоятельно! – боковая ветвь насаждала на старшую законную жену, пользуясь малыми годами наследника, пытаясь захватить власть в свои руки – старый

репертуар, никаких новых мыслей...

Вань Цици весело захихикала, но сразу же тихо сказала:

-Среди возмутителей спокойствия из дедушкиных подчиненных было немало молодежи из семьи Вань, они все помогали старшим в семье – ждали дележа прибыли. Вот почему, как бы бабушка не давала клятвы, они не были склонны склониться перед ней, а потому моя бабушка взяла и сама выколола себе глаз и отрезала ухо, после чего кинула отрезанное в лидера толпы, говоря, что она больше никогда не выйдет замуж. Доверенным лицам дедушки с самого начала не разрешили принимать участие в домашних делах семьи Вань, но после вести об этом инциденте они пришли в неудержимую ярость, немедленно вступили в ожесточенный бой на стороне бабушки, поддерживая ее в ее гневе.

-В таком случае... что было потом? – у Шаошан волосы стали дыбом от такого рассказа на ночь.

-Так они противостояли друг другу больше месяца, мой дед со стороны матери, торопясь, привел с собой издалека войска. Он был побратимом моего дедушки и более был известен как благородный муж, справедливый и гуманный, и не было никого в уезде Суй, кто не знал бы этого. Под его уверенным и твердым натиском все эти негодяи – двоюродные кузены – получили свое!

Шаошан помолчала перед тем, как проговорила:

-Ха-ха, вот в чем дело.

Вань Цици с глубокой ненавистью сказала:

-Впоследствии моя бабушка не спеша отыскивала командиров, подчиняла себе людей и, постепенно встав на ноги, завоевала авторитет. А моему деду с материнской стороны в конце концов незачем было каждый год раз по семь-восемь бежать в уезд Суй. Через несколько лет мой отец очень рано самостоятельно возглавил войско после своего совершеннолетия и сразу начал разбираться с каждым по очереди из бесстыжих своих двоюродных братьев, все эти годы оказывавших давление на бабушку.

-И как же сводились счета? – Шаошан интересовала последовательность конкретных шагов.

Вань Цици сказала:

-Многими способами. Заставляли их детей учиться на своем опыте истреблять бандитов – там погибло несколько, здесь погибло несколько; либо, подвергнув государственному наказанию, гнали их по дороге, где тоже гибло некоторое их число. Чем предоставили всему старшему поколению шанс наблюдать со стороны, как гибнут их собственные дети и внуки.

Шаошан ужаснулась, эта испытывающая к ней самой ни с чем не сравнимые чувства девушка говорила так просто об убийстве людей и была полностью равнодушна к ним. Что касается ее, уличной хулиганки из маленького поселка, то за всю ее жизнь самым жестоким поступком был удар по голове человека пивной бутылкой, да и то бутылка не разбилась.

Говоря об этом, Вань Цици внезапно очень глубоко вздохнула:

-А потому в нашей семье Вань не так многочисленно потомство наложниц, даже мальчиков из боковой ветви рода не очень много. Бабушка постоянно твердила, что отец слишком жесток со своими кровными родственниками, принося вред людям, и потому батюшка и сам остался несолоно хлебавши. Однако батюшка рассказывал мне, что у бабушки, вырезавшей себе глаз и отрезавшей ухо, какое-то время были сильные головные боли и кровотечение из поврежденного места, и целыми ночами напролет она не могла спокойно заснуть, чтобы справиться со своими страданиями ей потребовалось более десяти лет. Он в детстве был свидетелем того, как бабушка терпела сильные мучения, и каждый раз когда он это вспоминал, он испытывал ненависть.

Шаошан очень долго молчала, и дошло до того, что Вань Цици ошибочно подумала, что она заснула, а затем спросила:

-Твои дедушка и бабушка были очень близки? - в эту эпоху вдова действительно могла повторно выйти замуж, это было нормально, в особенности в то время, когда пожилая госпожа Вань была не только молодой и красивой девушкой, но еще и имела большое приданое.

В этот раз даже Вань Цици долго молчала, а потом сказала:

-Я никогда не видела дедушку, однако слушала бабушкины рассказы. Она происходила из простой семьи, однако дедушка никогда не смотрел на нее свысока, всегда очень уважал ее, любил ее и взял ее в жены после тщательного соблюдения всех приличий, кроме того, говорил, что она самая прекрасная женщина в мире. Благодаря такому дедушкиному отношению она не побоялась содрать с себя плоть кусок за куском.

После того, как эти слова отзвучали, две девушки долгое время лежали в тишине на спине без движения.

Шаошан прошептала:

-...государь относится ко мне как к гражданину страны, я обязательно воздам вам как гражданин страны.

Вань Цици прилегла на ее плечо, слезы медленно катились по ее лицу, устав от плача, она уснула тяжелым, тревожным сном.

На следующее утро глаза девушек оказались ярко-красного цвета и опухли. Различие заключалось лишь в том, что краснота Шаошан была замаскирована синяками и была незаметна, а у Вань Цици на лице словно появились два персика. Шаошан немедленно принесла и отдала ей белый нефритовый горшочек, полученный от Юань Шэня, целебная мазь внутри имела красноватый цвет и тонкий нежный аромат, а после нанесения на лицо делала кожу мягкой и приятной.

-Откуда ты взяла эту целебную мазь? Если сравнить с мазью батюшки для лечения от ножевых ранений, она все-таки более эффективна, - только за полдня припухлость возле глаз Вань

Цици прошла.

Шаошан жеманно захихикала:

-Третья тетушка из моей семьи дала ее мне, кажется, на горе Байлу кто-то из учеников преподнес ее пожилому господину Сан.

Вань Цици сказала:

-Вот оно что!.. Увы, но кажется, что тебе она не очень помогла, – лицо ее дорогой подруги по-прежнему было синим и красным от раздувшихся ушибов и сняков, и больше напоминало замоченную на ночь рисовую кашу с различными цукатами и семенами лотоса.

-...

Потому что кое-кто не различает внешние повреждения от внутренних! Судя по всему, Юань Шэнь в детстве никогда не дрался.

Сразу после окончания завтрака дружно пришли три брата Шаошан.

Чэн Юн чистосердечно принес извинения пожилой госпоже Вань, сказав, что его семья доставила много неудобств семье Вань; Чэн Сун потащил за собой Вань Цици, но все же находясь поблизости от госпожи Вань, стал рассказывать ей новости, услышанные на рынке, смешивая ее безостановочно; Чэн Шаогун отдал Шаошан принесенный узел с платьями и лакомства, кроме того, он отдал младшей сестре сделанный им самим амулет и велел ей положить его под подушку перед сном, таким образом попробовав развеять недавнюю неудачу.

Между тем, вручая Шаошан принесенные одежду, утварь и другую ручную кладь, также братья сказали, что госпожа Сяо не возражает, чтобы она прожила несколько дней в семье Вань, а бамбуковые дощечки временно останутся на месте, дожидаясь, пока она не вернется и не выполнит назначенное ей наказание.

К этому времени все тревоги Шаошан окончательно исчезли, успокоившись, она стала мирно жить. Если забыть о несколько медленном выздоровлении от травм, ее жизнь в семье Вань все эти дни, можно сказать, была совершенна во всех отношениях. Каждый день они с Вань Цици вместе ели и вместе спали, их окружали прекрасные шелковые ткани, изысканные яства, разнообразные расслабляющие удовольствия, даже когда мыли ее ноги, четверо-пятеро служанок вымывали каждый из десяти пальцев ее ног.

Вань Цици, кроме того, научила ее игре в шахматы, метать стрелы в вазу, бросать кости... временами им не хватало людей для игры в азартные игры, а потому Вань Цици приобщала нескольких старых наложниц Вань Сунбая. Вся толпа хихикала и хохотала, и было невозможно остановить их смех, иногда играя в азартные игры, они горячились и потому испрашивали помощь третьей стороны у госпожи Вань, вообще обстановка в семье была очень гармоничной.

-Младшие жены твоего отца и тетушки очень хорошие, не так ли?

С самого начала появившись здесь, Шаошан с нетерпением все время в тайне ожидала стать свидетелем наичистейшей классической борьбы между главной женой и наложницами, досадно, но в семье Чэн не существовало такого биологического вида как наложница.

-Что ты понимаешь! Моя матушка к ним хорошо относится, снабжает их вкусной едой, ожидая, что они подарят наследника батюшке. Досадно, но в моем детстве у младших отцовых жен были великие устремления и сильная воля, а сейчас они во всем разочаровались... - Вань Цици покачала отрицательно головой, выразив этим свое разочарование уровнем квалификации и целеустремленностью младших жен отца.

Тяжело вздохнув, она продолжила увлеченно играть с Шаошан.

Если бы не нестабильность льда, она бы потащила с собой Шаошан кататься на нем. Дело дошло до того, что они стащили из винного погреба Вань Сунбая кувшин с вином и вдвоем напились до бесчувствия, к тому же присмотрели на будущее несколько разномастных петухов, намереваясь, как только у Шаошан сойдут синяки, сразу же пойти в рыночный квартал на арену петушиных боев, набраться там жизненного опыта.

Пока две девушки восторженно играли, госпоже Вань хотелось плакать, но она не могла выдавить и слезинки, чувствуя заранее огорчение, ведь после того, как Шаошан возвратится домой, госпожа Сяо наверняка заметит, что, несмотря на то, что ее дочь непослушна и не понимает многих вещей, она проводила время в доме семьи Вань во всевозможных развлечениях.

К этому времени взрослая душа Шаошан проявилась и наконец-то стала доминирующей. После нескольких дней непонятной эйфории, она внезапно обратилась к Вань Цици, попросив кисти, тушь и бамбуковые дощечки, и начала ежедневно упражняться в каллиграфии по четыре часа. Следовало регулярно заниматься обучением, только после этого будет возможность играть - она едва-едва со своими способностями выучила древние письмена, но они еще не прочно закрепились в ее памяти, и ей никак нельзя относиться к этому небрежно.

Сначала Вань Цици решила насильно тащить Шаошан играть и скандалила по этому поводу, однако она была не способна сопротивляться красноречию Шаошан в споре.

-В этом мире есть два вида друзей, одни дружат словно собачьей дружбой, проводя время лишь в развлечениях, в критических обстоятельствах они бесполезны; другие же верны, видя друга в беде, они готовы пожертвовать своей жизнью.

Чтобы быть верным другом, Вань Цици только и оставалось посвятить себя учению - и она составила компанию Шаошан на ее пути обучения.

Госпожа Вань сразу же перестала страдать и второпях заявила свекрови: глубокое понимание ситуации, почтенной, ее прямо-таки редкая одаренность, дальновидность в оценке ситуации и ниспосланный небом талант... после этого пожилая госпожа Вань не выдержала и прогнала ее

прочь.

Однако бывало время, когда Шаошан оставалась одна.

Госпожа Вань пусть и не имела множества знакомств, однако время от времени возникала потребность вместе с Вань Цици посещать банкеты, и тогда Шаошан могла бесконечно и беспорядочно ходить по всей резиденции, любознательно исследуя по округе древние постройки, и среди них ее более всего заинтересовал один крохотный деревянный мост.

Этот изогнутый мостик имел в ширину не более одного чжана, семь-восемь чжан в высоту, выгибался в высоту подобно изогнутой современной арке. Сделанный сплошь из дерева, он не имел ни одного железного гвоздя или медного штыря, целиком опираясь на выдающуюся технику плотника, с точностью продумавшего крепления, длину, ширину искусно скомбинированных материалов, взаимный нахлест с левой и правой стороны, переплетающийся и чередующийся слой за слоем.

Однажды беседуя с управляющей делами резиденции Вань, Шаошан разузнала, что ранее, когда род Бу, совершив преступление, совершил предательство и сбежал, этот крохотный деревянный мостик хотели разрушить солдаты семьи, нанося по нему различные удары. Сейчас он может ощутимо шататься. Однако этот мост был так искусно сделан, что обычный плотник не был способен его починить, и управляющая говорила, что оставалось только полностью разобрать его, а затем заново собрать.

Шаошан тяжело вздыхала, досадуя на это. В тот день во время полуденного отдыха она внезапно почувствовала как закололо в ее сердце, а разыгравшаяся душа устремилась к знаниям. Потому торопливо набросив на себя одежду и приказав слугам удалиться, с особой осторожностью она пролезла под мостом, осматриваясь, – под ним протекал ручеек в глубину полчи, под тонким льдом медленно струилась вода, можно было неясно увидеть разноцветные камушки, и ей показалось, что этот мостик над горным ручьем изначально использовался как место для наслаждения окружающим пейзажем.

Шаошан изогнулась в талии, подняв голову, старательно обратила свой взор вверх и ощупала в нескольких местах критическое сочленение. Спустя продолжительное время она усмехнулась. Не нужно тратить силы и искать мастера, чтобы разобрать его, просто-напросто всего лишь следует вытащить несколько основных крохотных деревянных наверхий, и немного погодя деревянный мост самостоятельно развалится на части; и также его можно легко восстановить, она уже сейчас может вычертить первоначальную схему моста!

Думая о себе с гордостью, Шаошан внезапно услышала, как рядом с ее головой со стороны берега доносятся отчетливые шаги. Она осознала, что большое количество людей направляется в ее сторону. Шаошан внезапно оказалась в затруднительном положении, гостя в чужом доме, при этом она лежала на глинистой почве под мостом, и на взгляд далеких предков должно быть выглядела чудачкой. Подумав, она решила, что лучше всего не вылезать отсюда сейчас, рассчитывая выбраться, когда все уйдут.

Группа людей медленно шла пешком по берегу, разговаривая, их голоса приближались как бы

издалека, и как раз в это самое время она услышала грубый хохот Вань Сунбая:

—...господин Лин шутит, я, Вань, всю жизнь любивший красавиц и деньги, вряд ли пойму что-то на каком-то межевом чертеже. Да, разве я могу понять что там, смотря на него! Нет, абсолютно нет, ха-ха-ха...

А потом услышала холодный медленный голос молодого человека:

—Раз уж хоу Вань говорит, что нет, в таком случае – нет. Однако, вчера я услышал как хоу Вань и Ван-лангуань договаривались об игре в цуцзюй, кажется, больная нога уже здорова...

Шаги внезапно остановились на берегу, и в этот момент она услышала деланный смех Вань Сунбая, Шаошан четко расслышала неестественность в нем.

На ее лбу выступил обильный пот, она про себя громко призывала их быстро катиться отсюда, разве эта женщина хочет слушать то, что не должна была услышать! Ноги, что произошло с ногами? Разве не хорошо, что нога выздоровела и можно играть в футбол?!

К счастью, остановившись на мгновение, группа людей, немедленно ушла, и на этот раз их шаги были стремительными, до Шаошан лишь неясно донеслось несколько фраз сказанных дядей Ванем вроде «Господин Лин, прошу следуйте за мной», прочие его слова она уже не расслышала.

После того, как люди ушли далеко, Шаошан быстро выбралась из-под моста, отряхнула с себя глинистую землю и немедленно поспешила вернуться обратно в свою комнату – дабы уничтожить все доказательства.

От испытанного испуга она была не в состоянии удалиться на короткий послеполуденный сон, потому, умывшись и причесавшись, решила переодеться в одежду для верховой езды: широкую юбку и кофту с подвернутыми рукавами. Шаошан собиралась отправиться на конюшню, чтобы закрепить недавно полученные навыки верховой езды от тринадцатой сестрицы.

Старый солдат, заведующий конюшней, очень вдумчиво подошел к делу и привел для Шаошан маленькую кобылку мягкого нрава, на которой она привыкла ежедневно выезжать верхом, кроме того, сменил седло на красивое новенькое. Шаошан залюбовалась начищенными, блестящими медными стременами, а затем в хорошем настроении сама увела лошадь, не заставляя старого солдата следовать за ней.

Площадка для верховой езды на заднем дворе семьи Вань была небольшой, а судя по большому животу дядюшки Ваня, своим присутствием он ее не жаловал. Выведя лошадь в середину площадки, Шаошан вставила левую ногу в стремя и, взмыв в воздух, спокойно села в седло. Осанка соответствовала всем нормативам и была изящной – несмотря на то, что ее тело как у цыпленка было слабеньким, однако координация движений рук и ног была сносной. Шаошан была довольна, но как только она уселась в седло, то сразу же почувствовала неладное.

Оказалось, что новое седло не было подтянуто по длине стремян для Шаошан. После того, как она села, она поняла, что ее ноги не могут дотянуться до стремян.

Это была частая ошибка новичков.

Шаошан почувствовала, что ей не следует ничего делать, езда верхом на лошади – это не езда на велосипеде, хотя бы потому что на велосипеде можно затормозить двумя ногами и не разбиться, опасность от езды верхом на лошади не маленькая, и если бы она действительно внезапно упала бы на землю, то вторую половину своей жизни вряд ли могла позаботиться о себе самостоятельно, потому в будущем ей обязательно следует быть осторожной.

Из-за того, что ее обе ноги висели в пустоте, ей только и оставалось, что сильно стиснуть ляжками бока лошади, предотвращая нестабильность. К счастью, у этой маленькой кобылки был доброжелательный нрав, и если сидящий на ней человек не шевелился, то и она попросту стояла на прежнем месте, от случая к случаю ударяя копытом по ограждающему борту, да изредка фырка.

Шаошан на долгое время застыла в седле, пытаясь медленно наклоняться телом то в одну, то в другую сторону, стараясь вытянуть левую ногу, чтобы достать ею до стремени, потом планируя сойти с коня и отрегулировать ремни, чтобы все-таки проехаться на кобылке. Только-только наклонившись наполовину на бок, она внезапно ощутила неестественную тишину вокруг, подняла голову и увидела то, отчего внезапно испугалась и покрылась холодным потом, и едва сама не упала с лошади при этом.

В этот самый момент она увидела, что у входа на площадку для верховой езды непонятно сколько времени стоит кружком группа людей – по-прежнему все те десять телохранителей с арбалетами, колчанами стрел за спиной и мечами на поясе, но сегодня они были не в черной одежде и доспехах, а в белоснежных длинных халатах и подобранных под них коричневых доспехах из шкур животных, они молчаливо обступили того человека, кого называли «господин Лин».

Основываясь на нечетком знании тринадцатой сестры Вань, этого человека звали Лин Буйи, второе его имя было Цзычэн, и он был высокопоставленным приближенным царедворцем и доверенным лицом императора. Среди его должностей были и помощник гуалусюаня, и командующий левым кавалерийским батальоном личной гвардии государя, и отдельно – возглавлявший пять отрядов северной армии офицер конницы, также он получил должность шичжуна, и ему было разрешено при исполнении своих обязанностей вступать в запретную зону.

И так далее, и тому подобное.

Способность сохранить в памяти эти труднопроизносимые титулы чуть не стоила жизни Вань Цици, и Шаошан выражала искреннее восхищение ею.

Сегодня на нем был комплект одежды с запахом – шэньи цюйцзюй с узкими рукавами, поверх платья глубокого красного как кровь цвета, затканного темно-золотыми нитями и сложным

рисунком, представляющим собой зверей и голову легендарного тигра, халат с широкими рукавами того же цвета, открывал правую руку, на талии был повязан толщиной в пять пальцев черный, затканый золотом пояс. Сильный порыв ветра поднял внутри площадки песок и пыль, привел в движение полы халата, и словно все заклубилось и заволокло рядом с ним кровью.

Шаошан никогда еще не встречала мужчину, одетого в такой темный, раскаленно-красный цвет, просто заметила, что фон вездесущего песка и терракотовой почвы оттеняет его белую как нефрит кожу, а черты лица потрясают своей своеобразной красотой.

Лин Буйи неторопливо отошел от телохранителей и не спеша направился к наполовину свесившейся с лошади девушке.

Шаошан сконфузилась.

В эту минуту она была в подвешенном состоянии, к тому же обстановка вокруг была странной, и несмотря на то, что она была находчивой, вопреки всему, сейчас она не знала как ей следует быть.

Лин Буйи уже достиг коня, а Шаошан все еще была в процессе осознания того, что ей (ха-ха) следует сказать, и какой парой фраз нужно обменяться прежде, чтобы смягчить атмосферу, а там посмотрим – можно потом еще сказать что-нибудь. Откуда же она знала, что этот высокий и красивый мужчина, не проронивший ни слова, протянул правую руку и поддержал тонкую талию девушки.

Все тело Шаошан застыло в нервном волнении, она беспомощно смотрела, как этот высокий белокожий мужчина своей крупной ладонью сжал с одной стороны ее талию – о, боги! Ей срочно необходимы популяризируемые знания этикета директора Сяо, это... это... это соответствует нормам этикета?!

Не дожидаясь ее реакции, Лин Буйи применил незначительное усилие и подтолкнул ее, чтобы она села прямо.

Шаошан оцепенело сидела в седле, еще не придя в себя от испуга, увидела, как Лин Буйи, склонив голову, отвязывает от стремян ремни и одновременно регулирует их длину, вместе с тем безразлично спрашивает ее:

–Ты из рода Вань или все-таки из рода Чэн?

Шаошан обеими руками крепко-накрепко держала поводья, пристально уставившись на его черные как смоль волосы, и ее пока еще не забастовавшая интуиция говорила ей, что лучше не надо Лин Буйи знать кто она, потому что она с трудом улыбнулась:

–...две семьи Вань и Чэн неразрывно связаны друг с другом, молодое поколение сохраняет сыновнюю почтительность между собой...

Лин Буйи сказал:

-А, ты из рода Чэн.

Шаошан:

-...

Лин Буйи отладил ремень с одной стороны, не спеша перешел на другую сторону и, продолжив отстегивать другой ремень, проговорил:

-В семье Чэн три брата, у каждого есть дети. Кто из них твой отец?

Шаошан продолжила отчаянное сопротивление, сказав с деланным смехом:

-Братья и сестры так близки, как же разделить их...

Лин Буйи сказал:

-Так ты дочь генерала Чэна.

Шаошан: ...в таком случае зачем ты спрашиваешь меня!

Закончив регулировку ремней с двух сторон, Лин Буйи поднял голову и посмотрел прямо в глаза сидящей на коне девушке. Он был очень высокого роста и, даже стоя на земле, мог смотреть прямо в глаза девушке. В этот раз Шаошан наконец-то смогла как следует рассмотреть его лицо.

Брови взлет, поднимающиеся к волосам на висках, глаза, подобные звездам, а нос – гребню горного пика, на его лице сверкала, очаровывая, улыбка, однако с головы до ног он излучал бесплодную, ледяную ауру. Он был очень молод, моложе, чем она его себе представляла, она предполагала раньше, что человек с таким высоким официальным рангом как у дядя Ваня, не должен быть молодым, сейчас же было видно, что он, вероятно, одних лет с Юань Шэнем.

Он посмотрел на настороженное лицо девушки и спросил, слабо улыбнувшись:

-Только что сколько ты слышала из разговора между мной и хоу Ванем?

Шаошан почувствовала холодок в сердце, этот человек и впрямь заметил ее, прятавшуюся под мостом! Напрягая все силы, она взяла себя в руки и ответила своим самым искренним тоном:

-Только лишь несколько слов, ты спрашивал у дядюшки Ваня, излечилась ли от болезней его нога. И более ничего, действительно, ничего.

Лин Буйи пристально посмотрел на нее, одной рукой взял стремя, а второй приподнял ее ногу за лодыжку и не спеша вдел ее в стремя.

Девочка выросла нежной и наивной, и была похожа на изящную и прелестную птичку-невеличку, он мог обхватить ее голень своей ладонью, даже через сапоги, достигающие до колен.

А затем он все же медленно обхватил ее своей ладонью:

-Лед еще не растаял, что ты там делала?

Шаошан почувствовала, как крепко сжимают ее голень, сильно испугалась, потому что представила, как ее нога находится в пасти хищного зверя, и огромные острые зубы этого животного намереваются разорвать ее кости и плоть.

Дрожащим голосом она сказала:

-Я осматривала мост, правда, я смотрела, как под мостом соединяются доски. Ты должен мне верить! Это действительно правда! – она понимала, что ее слова – это пустословие, сколько древних людей могли разбираться и объяснять естественные и технические науки? Однако каждое слово соответствовало действительности, она за всю свою жизнь редко была настолько искренней!

Лин Буйи очень долго пристально всматривался в девочку. Он внезапно вспомнил ту ночь во время праздника фонарей, великолепные фейерверки, красочно вплетающиеся в пейзаж, и красивая девушка, похожая на только народившуюся луну, преисполненная любопытства, она, не моргая, наблюдала за разнообразными фонарями со свечами и маленькой каруселью внутри.

Он слегка улыбнулся:

-Может ты мне не поверишь, но, по правде говоря, я верю твоим словам.

Шаошан: ...ты попал в самую точку, действительно тебе не верю.

Оправившись от первоначального испуга, Шаошан начала очень быстро шевелить мозгами: должна ли она громко позвать на помощь? А после ее зова о помощи смогут ли явившиеся на него люди пробиться через толпу охранников – воинов в доспехах и с мечами на поясе, прежде чем Лин Буйи раздавит ее?

Зачем Лин Буйи пожелает ее раздавить как букашку, она не знала. Однако в любом случае готовилась к худшему.

Как раз в это время, когда она выдумывала разную ерунду, Лин Буйи, больше ничего не сказав, прошел на другую сторону и вдел другую ногу в стремя. А затем выражая досаду, ушел, и через мгновение исчез, и также через мгновение исчезла и его группа телохранителей.

Песок слегка взвился, принося с собой несколько сухих опавших листьев из далеких дворов, вокруг было так спокойно, как будто ничего и не произошло. Шаошан неподвижно сидела долгое время, вплоть до того времени, пока ее маленькая добродушная кобылка не стала нетерпеливо бить копытом песок, и она не пришла в себя.

Ведь надо же, но ей очень понравилось в семье Вань, здесь не было директора Сяо, следящего

за каждой мелочью, в резиденции не было младшего поколения мальчиков, легкомысленно галдящих и сплетничающих о личной жизни. Еще ей составляла компанию тринадцатая сестрица, с которой у ней по большей части совпадали чувства и желания, каждый день приносил ей удовольствие, и, собственно говоря, она думала пожить здесь несколько дольше. Однако сейчас она чувствовала, что ей лучше возвратиться домой.

Шаошан вытерла холодный пот со лба, медленно двинулась, подстегнув лошадь, неторопливо объезжая по кругу.

После нескольких лет, когда она ошивалась на улице, у девушки сформировались инстинкты маленького животного, и это было ее преимуществом. Она могла постичь все самостоятельно и благодаря интуиции знала, как стремиться к благоприятным условиям и избегать опасностей.

С Юань Шэнем шутки плохи, но после нескольких встреч узнав друг друга получше, вы все равно могли бы время от времени шутить с ним.

Однако Лин Буйи ни в коем случае нельзя провоцировать, потому что может случиться беда, важно быть вежливой, вежливой и еще раз вежливой.

Думая долгое время, Шаошан внезапно озадачилась. Положа руку на сердце стоит отметить, что Лин Буйи был самым красивым мужчиной, которого она встречала до этого времени, можно сказать, что он божественно красив, в свою очередь она не была монахиней по жизни, так почему же он не был очарован ею?

Обойдя площадку по кругу в девятый раз, Шаошан дотронулась до своего лица и внезапно поняла: она, как и прежде, имеет свиную голову!!! Что же в этом очаровательного?..

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3325422>